

(hidden)

Веруйте в свет, да будете сынами света!

[Ин. 12:36]

Епископ Иларион (Алфеев)

Home / About us / Our work

26

❖ БИОГРАФИЯ ❖ БИБЛИОГРАФИЯ ❖ КНИГИ ❖ ПЕРЕВОДЫ ❖ СТАТЬИ, ДОКЛАДЫ ❖ КАТЕХИЗИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ
❖ ИНТЕРВЬЮ ❖ РЕЦЕНЗИИ ❖ АУДИО-И ВИДЕОМАТЕРИАЛЫ ❖ НОВОСТИ ❖ ФОТОГРАФИИ ❖ РАЗНОЕ ❖ ГОСТЕВАЯ
КНИГА

Отобразить меню

Искать

➤ Главная страница / Катехизические материалы /

Версия
для печати

О СВЯТОМ ПРИЧАЩЕНИИ

О Таинстве Причащения

Великопостная беседа в храме св. великомученицы Екатерины на Всполье

Таинство Причащения существует в Церкви с тех пор, как на Тайной Вечери Господь Иисус Христос преломил хлеб и, раздав Своим ученикам, сказал: “Сие есть Тело Мое, которое за вас предается; сие творите в Мое воспоминание”. Потом Он взял в руки чашу с вином, подал им и сказал:

“Сия чаша есть Новый Завет в Моей Крови, которая за вас проливается”. После крестной смерти Учителя Его ученики стали собираться на Евхаристию для преломления хлеба и вкушения вина в воспоминание о страданиях, смерти и воскресении Господа Спасителя. Евхаристия стала той основой, на которой строилась христианская Церковь. Ведь в первые десятилетия после смерти и воскресения Христа у Церкви не было ничего, кроме памяти о Нем: еще не было Евангелия, не было сформировавшегося догматического и нравственного учения. То, что соединяло учеников, что, собственно, и делало их Церковью, была их совместная жизнь во Христе, их память о Спасителе, которая находила свое максимальное выражение в Евхаристии, когда они причащались Тела и Крови Христовых под видом хлеба и вина в воспоминание о Его смерти и воскресении. Позже появились Евангелия и послания святых апостолов, то есть Священное Писание Нового Завета. Еще позже стали формулироваться христианские догматы, появилась стройная система христианского богословия – все то, без чего Церковь не может существовать. Но первоначальным и основным формообразующим элементом Церкви была именно Евхаристия.

Приходя на Евхаристию, мы вливаемся в то преемство евхаристического опыта, которое существует в Церкви со времен Христа и которое не прерывалось никогда. Даже в самые тяжелые и трудные годы гонений Евхаристия продолжала совершаться в христианских общинах.

Во времена советского атеизма у Церкви были отняты практически все права. Была запрещена проповедь, священники не могли свободно говорить о Христе, было запрещено религиозное образование детей и участие детей в богослужении, практически не издавалась христианская литература, и Библия была недоступна большинству людей. И тем не менее Церковь Христова продолжала существовать, и сохранилась она прежде всего Евхаристией, потому что это таинство совершалось постоянно. Если его невозможно было совершать явно, его совершали тайно. Соловецкие узники, епископы и священники, совершали Литургию ночью, лежа на нарах, и престолом им служила грудь одного из епископов. И каждый раз, когда бы ни совершалась Евхаристия и в каких бы условиях она ни совершалась, это была та самая Евхаристия, та самая Тайная Вечеря, которую совершил Спаситель, в кругу Своих учеников.

Важно помнить, что Литургия, совершаемая сегодня, – это не просто воспоминание, повторение событий, имевших место в прошлом, а прямое продолжение Тайной Вечери. Священник или епископ – предстоятель на евхаристическом богослужении – произносит те же слова, которые Христос произнес на Тайной Вечери: “Приимите, ядите, сие есть Тело Мое, еже за вы ломимое... Пийте от нея вси, сия есть Кровь Моя Нового Завета, яже за вы и за многия изливаемая...” Священник действует здесь не своей силой, но силой Божией, он занимает место Самого Христа, единственного истинного Совершителя Литургии. В данном случае священник – лишь орудие в руках Божиих. Если в других ситуациях священнослужитель может привнести в свое служение что-то личное, например, в пастырском слове, в увещании, в беседах с людьми и т. д., то в момент совершения Литургии он выполняет лишь одну функцию – являет, представляет Христа, и Христос

действует через него.

Поэтому в Православной Церкви существует традиционное, установившееся веками, почтительное, уважительное отношение к священному сану. Не к священнику как человеку, который носит этот сан, но именно к священному сану, через который Христос непосредственно общается с людьми. Итак, когда священник произносит слова Христа на Тайной Вечери, мы должны понимать, что через него говорит Сам Христос. Целуя руку священника, мы на самом деле целуем руку Христа, потому что в данном случае священник являет присутствие Христово. И вся Евхаристия, вся Божественная Литургия от начала и до конца является этим откровением присутствия Божия, которое никогда не прерывалось.

В одной из сирийских Церквей – так называемой Ассирийской Церкви Востока – существует обычай, который в этой Церкви считается таинством. Когда готовится тесто для евхаристического хлеба, в него добавляют частичку хлеба от предыдущей Евхаристии. Этот обычай связан с преданием Ассирийской Церкви, согласно которому святой апостол Иоанн Богослов на Тайной Вечери получил от Христа, в отличие от остальных апостолов, две частицы Тела Христова. Одной он причастился, а другую сохранил для совершения Евхаристий. Это предание выражает идею преемства Евхаристии. Смысл его в том, что евхаристический хлеб, которым мы причащаемся сегодня, – это тот самый хлеб, который был освящен Самим Христом. Таким образом, современная Литургия не является просто повторением того, что некогда совершил Христос. Тайная Вечеря актуализируется каждый раз, когда совершается Литургия.

Но что происходит с нами, когда мы причащаемся Святых Христовых Таин? Происходит, конечно же, некое онтологическое изменение всего нашего человеческого естества, и это изменение глубоко укоренено в самой тайне Боговоплощения. Ведь христианство – не просто религия, приводящая людей к Богу. И это не только путь, который ведет человека на те духовные вершины, где он встречается с Богом. Это еще и путь, по которому прошел Сам Бог навстречу человеку – это путь Божественного истощания. И независимо от того, насколько высоко *мы* взойдем по “лестнице”, ведущей к Богу, насколько *мы* преуспеем в добродетелях, самое существенное в деле нашего спасения уже совершено Самим Богом: Бог стал человеком, стал таким же, как мы, стал одним из нас, чтобы прожить нашу человеческую жизнь с ее радостями и скорбями, приобретениями и потерями, победами и поражениями. И эта тайна Боговоплощения, которая превосходит человеческое понимание, которую невозможно рационально объяснить или осознать, раскрывается нам через Евхаристию.

Причащаясь, мы принимаем в себя Тело и Кровь Бога, ставшего Человеком. Иными словами, происходит наше сущностное, онтологическое соединение с Божеством. Мы не просто общаемся с Богом, но Бог входит внутрь нашего естества, причем, это вхождение Бога в нас происходит не каким-то символическим или духовным способом, но абсолютно реально – Тело Христово становится нашим телом и Кровь Христова начинает течь в наших жилах. Это то, что ни одна другая религия не может дать человеку. Именно в том и состоит уникальность христианства, что Христос становится

для человека не только учителем, не только нравственным идеалом, Он становится для него *пищей*, и человек *вкушает* Бога, соединяясь с Ним духовно и телесно.

Как мы должны готовиться к принятию в себя Христа? Как должны жить, чтобы быть достойными Причастия Тела и Крови Христовых? Здесь прежде всего нужно сказать: нет человека, который был бы достоин Святых Христовых Таин. Нет человека, который мог бы по своим качествам, по своему образу жизни соответствовать тому, что мы принимаем в Причастии, той святости и божественности, которыми пронизаны хлеб и вино Евхаристии. “Никтоже достоин от связавшихся плотскими похотями и сластями приходит или приблизится Тебе” – так говорится в одной из молитв, которую священник читает на Литургии Василия Великого и на Литургии Иоанна Златоуста. Поэтому мы должны сознавать, что мы заведомо недостойны и никогда не будем достойны Причастия. Мы не должны думать, что станем достойны, если будем причащаться реже, или что станем достойны, если как-то особым образом подготовимся к Причащению. Мы всегда останемся недостойными, и наше человеческое естество на духовном, душевном и телесном уровнях всегда будет неадекватным по отношению к таинству Причащения. И тем не менее мы должны подходить к Причастию и, сознавая свое недостойнство, внутренне готовиться к принятию в себя Христа.

Когда мы стоим перед Святой Чашей, каждый из нас исповедует перед Богом, что является первым из грешников – “от нихже первый есмь аз”. И это не церковная риторика, это чувство, которое должно возникать у нас всякий раз, когда мы приступаем к принятию Святых Таин. Причем, это чувство невозможно искусственно в себе создать – нельзя *заставлять себя* думать, что ты хуже других людей, нельзя *вызывать в себе* чувство гнушения собой. Не этого требует от нас Церковь. Подходя к Святой Чаше, мы должны не сравнивать себя с другими людьми, а поставить себя перед судом правды Божией и любви Божией. И если мы проникнемся благоговейным чувством присутствия Божия и предстояния перед лицом Божиим, тогда каждый из нас поистине почувствует себя первым из грешников.

Итак, всякий раз, готовясь к Евхаристии, мы должны начинать внутренний путь к Причащению с осознания своей греховности, своего заведомого недостойнства и своего бессилия что-либо радикальным образом в себе изменить. Это первое.

Второй момент, связанный с подготовкой к Причастию, – это осознание того, что готовиться к Причастию нужно всей жизнью и в течение всей жизни. Многие думают, что подготовка к Причастию заключается лишь в том, чтобы соблюсти сколько-то дней поста, прочитать какое-то количество молитв, не есть и не пить с утра. Да, это нужно делать, но это лишь вспомогательные средства. Подготовка же к Причастию заключается в том, чтобы жить по-христиански. Если мы причащаемся, но в нас ничего не происходит и мы остаемся такими же, какими были раньше, если мы причащаемся, но реальных перемен в нашей жизни нет, то Причастие остается для нас тщетным. Никто из нас не может быть достойным Святого

Причащения, но Причастие может становиться для нас каждый раз путем к духовному обновлению и к преображению всей жизни. С другой стороны, Причастие можно принять “в суд и во осуждение”. Поэтому мы и молимся перед Святой Чашей: “Да не в суд или во осуждение будет мне Причащение Святых Твоих Таин, Господи”.

Когда Причастие бывает “в суд и во осуждение”? Когда жизнь человека не соответствует тому, к чему призывает это таинство, когда человек, причащаясь, остается равнодушным, когда Причащение происходит по привычке, автоматически. Если мы внушили себе, что причащаться нужно сколько-то раз в год или в месяц, но при этом не подходим со всей серьезностью к принятию Святых Христовых Таин, такое Причастие может быть для нас “в суд и во осуждение”.

В Великий Четверг, когда в Церкви совершается ежегодное воспоминание Тайной Вечери, мы слышим о человеке, который недостойно причастился. Это Иуда, вместе с остальными учениками присутствовавший на Тайной Вечери. Он был свидетелем жизни Христа, слушателем Его проповеди, свидетелем совершенных Им чудес. Более того, он проповедовал Христа вместе с другими апостолами, которых Христос при Своей жизни посылал на проповедь. И тем не менее он причастился “в суд и во осуждение”. И произошло это потому, что он принял хлеб из рук Господа в состоянии раздвоенности, когда, помимо Бога, для него появилась другая ценность, – деньги, – которую он в конце концов и предпочел Божественной Правде, той самой Правде, с которой он встретился в лице Иисуса Христа.

Приступать к Причастию нужно без всякой раздвоенности, всецело предавая себя в руки Господа. Каждый из нас, подходя к Святой Чаше, должен говорить: “Да, Господи, я действительно первый из грешников. Я недостойн и никогда не буду достоин Причащения, но я жажду принять в себя Тело Твое и Кровь Твою, потому что хочу изменить свою жизнь. И хотя, может быть, у меня это до сих пор не получилось и, может быть, и дальше не получится, я хотел бы положить начало”. Каждое Причащение должно для нас быть если не началом новой жизни, то, по крайней мере, попыткой начать новую жизнь. Причащаясь Святых Христовых Таин, мы должны просить Бога о том, чтобы Он радикально изменял нашу жизнь, потому что присутствие Божие должно освящать нашу жизнь от начала и до конца.

При рукоположении в священный сан священник получает от епископа частицу Тела Христова со словами: “Приими Залог сей и сохрани его цел и невредим, о немже истязан будеши на Страшном суде Христовом”. Тело Христово дается ему как залог того, что он будет работать над собой и стремиться к тому, чтобы Христос, с Которым он соединился духовно и телесно, жил в нем и действовал через него, чтобы он был тем оргбном, через который действует Бог. И мы, принимающие в Причастии Тело и Кровь Христовы, будем “истязаны” на Страшном суде, где окажемся вместе с людьми других религий и неверующими. И именно с нас, христиан, тех, которые принимали Святые Христовы Тайны, будет спрошено – каков был плод этого Причащения, что оно внесло в нашу жизнь, как изменило ее. Это, конечно, огромная ответственность, и мы, приступая к Святым

Христовым Тайнам, должны ее чувствовать.

Еще один важный момент. Причастившись святых Христовых Таин, надо сразу же начинать подготовку к следующему Причастию. Приняв Христовы Тайны, мы несем в себе Христа. Мы становимся подобны человеку, который несет чашу, наполненную до краев вином или водой: если он будет неосторожен, то может расплескать часть жидкости, а если споткнется и упадет, то потеряет все, что было в чаше. Причастившись Христовых Таин, мы должны сознавать, Что и Кого мы в себе несем. И с момента Причастия без паузы, без перерыва должна начаться наша подготовка к следующему Причастию. И не надо думать, что, если мы причастились сегодня, то к следующей Евхаристии можно готовиться за день или за три дня до нее, а в остальное время можно жить так, как будто Христос не присутствует в нас. Мы никогда не должны забывать о Христе, с Которым соединились духовно и телесно.

Дни перед Причастием – это, конечно, время, когда требуется особая сосредоточенность, особое воздержание. Но существуют разные правила относительно поста перед Причастием. Некоторые священнослужители требуют, чтобы перед каждым Причастием люди постились три дня, другие считают, что достаточно поститься один день; третьи благословляют причащаться в воскресенье тем, кто постился в среду и пятницу. Отсутствие единомыслия в этом вопросе указывает на то, что правила о посте перед Причастием – достаточно позднего происхождения. И появились они, когда люди стали причащаться редко.

Вспомним, как совершалась Евхаристия в апостольские времена. Из посланий апостола Павла мы знаем, что Евхаристия была завершением трапезы. Эта трапеза продолжалась в течение всей ночи и под утро заканчивалась преломлением хлеба в воспоминание Спасителя. Естественно, что никакого евхаристического поста тогда не было. Евхаристия вырастала из совместного вкушения пищи и завершала собой ту агату – трапезу любви, которая продолжалась целую ночь. Причем, при внимательном прочтении посланий апостола Павла становится ясно, что это была трапеза отнюдь не символического характера и отнюдь не постная. Апостол Павел в одном из посланий говорит, что за этой трапезой не следует упиваться (1 Кор. 11:21).

Но евхаристическая трапеза не была просто вкушением пищи или питьем вина, она не была развлечением. Эта трапеза совершалась в незримом присутствии Христа, Который говорил: “Могут ли поститься сыны чертога брачного, когда с ними жених?” (Мк. 2:19). Евхаристия – это момент, когда Жених с “сынами чертога брачного”, когда Христос Сам присутствует – через предстоятеля, совершающего Евхаристию, – на Тайной Вечери. Все начиналось с вкушения пищи, но постепенно выходило на более высокий уровень – от пищи земной переходили к пище небесной. Не случайно вкушение пищи сопровождалось чтением Священного Писания, молитв, псалмов. Затем, когда уже собственно трапеза заканчивалась, тот, кто возглавлял ее – апостол, епископ или пресвитер – произносил благодарственную молитву.

Это благодарение и сегодня – центральный момент Литургии, – то, что сейчас называется евхаристическим канонem. Кстати, само греческое слово “евхаристия” означает “благодарение”. Это было благодарение не только за совершившуюся трапезу, но благодарение за всю жизнь человечества, за все бытие мира. Если сегодня вы вслушаетесь в молитвы Евхаристии, в евхаристический канон, в особенности на Литургии святителя Василия Великого, вы увидите, что в этих молитвах перед нами проходит вся история мира. Мы благодарим Бога за то, что Он создал этот мир и человека, за то, что каждого из нас Он привел в жизнь, за то, что ради каждого из нас Он стал человеком, пострадал и умер на кресте. Мы благодарим Бога за то, что Он сошел во ад, чтобы и там было проповедано Евангелие, чтобы вывести оттуда тех, кто там находился. Мы благодарим Бога за то, что Он воскрес, чтобы вместе с Собой воскресить и всех нас, и за то, что Он совершил эту Тайную Вечерю, в которой под видом хлеба и вина преподал нам Свое Тело и Свою Кровь для Причащения.

Евхаристия в Древней Церкви была не просто трапезой – это была торжественная, праздничная трапеза. И сейчас Евхаристия сохраняет характер праздничного богослужения. Не случайно, когда мы в великопостные дни проходим покаянный путь, то Евхаристия отменяется, чтобы мы могли по-иному пережить свое сопричастие Христу – без праздничного и благодарственного настроения Евхаристии. Великий пост задуман именно как подготовка, как время, когда мы в некоторые дни воздерживаемся от Причастия, чтобы осознать его значимость, чтобы прийти к Причастию с чем-то новым, что-то в себе накопив. В этом же, как мне кажется, заключается смысл тех правил относительно поста перед Евхаристией, которые существуют в нашей Церкви сегодня.

Все это я сейчас говорю вам не для того, чтобы вы перестали перед Причастием поститься и молиться и начали причащаться на сытый желудок, как это делали апостолы. Сегодня такой практики нет. Но я хотел бы, чтобы вы осознали, в чем смысл того, что происходит на Евхаристии, и в чем изначальный смысл подготовки к Причастию. В истории Русской Православной Церкви были периоды, когда люди причащались очень редко. Так, например, в XIX веке в России большинство православных причащалось раз в год, а именно в субботу первой недели Великого поста. Естественно, что дни подготовки к Причастию, были днями строгого поста, временем, когда человек должен был как бы собирать себя, разобранный на части за весь прошедший год, пока он не принимал Святые Христовы Тайны. Конечно, это была практика неверная, не соответствовавшая изначальному смыслу Евхаристии.

Как часто следует причащаться? Канонические правила Церкви предписывают не уклоняться от Причастия без уважительной причины. В Древней Церкви на Литургии причащались все присутствовавшие: люди приходили на Литургию именно для Причастия, а не для того, чтобы помолиться и уйти. В византийскую эпоху в тех местах, где Евхаристия совершалась ежедневно, например, в некоторых монастырях, люди могли причащаться даже ежедневно, а там, где Евхаристия совершалась по воскресным дням, как это было в большинстве приходов, причащались раз в неделю. В IV веке святитель Василий Великий, отвечая на вопрос, как

часто нужно причащаться, писал: “Хорошо и полезно было бы причащаться каждый день, но мы причащаемся четыре раза в неделю: по средам, пятницам, субботам и воскресеньям”. Минимальный временной промежуток между двумя Причастиями – литургический день: нельзя причащаться чаще одного раза в сутки. Когда мы причащаемся в Великую Субботу, а потом в Пасхальную ночь, то реально промежуток бывает меньше 24 часов, однако это уже новый литургический день. Но, как правило, люди не причащаются чаще, чем раз в неделю, за исключением особых дней – таких как Великий Четверг, Великая Суббота, Пасха. Некоторые не чувствуют в себе достаточно сил, достаточно духовной крепости или желания причащаться каждое воскресенье; они причащаются раз в месяц. Но месяц, который они проживают от Причастия до Причастия, должен быть для них временем постоянного внутреннего приготовления к принятию Святых Христовых Таин.

Однозначно ответить на вопрос, как часто нужно причащаться, нельзя. Я бы сказал так: в идеале причащаться нужно за каждой Литургией. В то же время мы должны трезво оценивать свои возможности. Все мы живем на разных уровнях интенсивности духовной жизни, и не каждый может отдавать Богу всего себя ежедневно. Часто мы не можем организовать свою жизнь так, чтобы приходиться к Причастию даже раз в неделю. Поэтому общего единого для всех ритма здесь быть не может. Каждый человек должен почувствовать свой внутренний ритм. В то же время важно, чтобы Причастие не превращалось в редкое событие, которое происходит либо по особым случаям, например, в день ангела, либо по большим праздникам, скажем, только на Пасху и на Рождество. Но будем ли мы подходить к Святой Чаше несколько раз или один раз в неделю, раз в две недели или раз в месяц, Причащение должно быть тем стержнем, вокруг которого выстраивается вся наша жизнь. Иначе говоря, мы призваны к тому, чтобы вся наша жизнь стала Евхаристией. Молясь, мы просим Господа, чтобы Он дал нам силы всей нашей жизнью, каждым делом и словом благословлять Бога “на всякое время”, чтобы душа наша хвалила Господа, чтобы мы воплощали в жизнь Его заповеди.

Перед Причастием очень важно прочитать молитвы ко Святому Причащению. Эти молитвы дают человеку возможность настроиться на соответствующий лад, дают ему понять, в чем, собственно, заключается смысл Причастия. Эти молитвы очень глубоки и содержательны. И чтение их никогда не должно превращаться в формальность, рутину.

Бывают обстоятельства, когда у нас не хватает времени для подготовительной молитвы, и самое большее, что мы можем сделать, – это собраться с силами и прийти на Литургию. В подобных случаях не следует думать, что, не вычитав молитвы, мы автоматически лишаемся права на Причастие. Мы можем прочитать одну молитву ко Святому Причащению, но если мы прочитали ее с вниманием, с полным проникновением в каждое ее слово – это уже немало.

Кроме того, нельзя забывать, что сама Литургия – это молитвенная подготовка к Причастию. Приходя на Литургию, мы погружаемся в ту стихию, которая, подобно морским волнам, приносящим лодку в гавань,

через полтора-два часа приносит нас к Святой Чаше. И если мы внимательно вслушиваемся в слова, которые поются и читаются во время службы, то наше переживание Божественной Литургии становится подготовкой к Причастию. Литургия начинается возгласом “Благословенно Царство Отца и Сына и Святаго Духа”: эти слова сразу погружают нас в тайну Святой Троицы. Затем мы слышим антифоны, когда мы призываемся благословлять Бога: “Благослови, душе моя, Господа. Благословен еси, Господи. Благослови, душе моя, Господа, и вся внутренняя моя Имя святое Его”. То есть наше сердце, наши помыслы, все, что внутри нас, должно быть переориентировано на восхваление Бога. Далее мы слышим Заповеди Блаженства – правила, по которым должна строиться наша нравственная и духовная жизнь. Мы слышим чтение Апостола и Евангелия, которые тоже обращены к нам и должны заставить нас задуматься о смысле христианской жизни. После Херувимской песни, когда на великом входе Святые Дары вносятся в алтарь, начинается собственно евхаристическая часть богослужения, то есть непосредственно относящаяся к преложению хлеба и вина в Тело и Кровь Христовы. И все это – подготовка к Причащению, которое увенчивает Литургию, ради которого, собственно, и совершалась Литургия.

Может быть, не все знают, что исторически малый и великий входы были не просто церковными церемониями. Малый вход был тем моментом, когда верующие из притвора входили в храм, так как вся первоначальная часть Литургии совершалась в притворе. Чтение Апостола и Евангелия, проповедь, молитвы об оглашенных – все это совершалось в центральной части храма. Затем из храма удалялись оглашенные, то есть все те, кто еще не принял Крещение и поэтому не мог причащаться: поскольку они не причащались, то не должны были присутствовать на самой Евхаристии. Великий вход был моментом, когда священнослужители входили в алтарь и вносили туда хлеб и вино, заранее принесенные верующими в храм в качестве приношения – “проскомидии”. Далее следовала та евхаристическая молитва, которую большинство наших прихожан, к сожалению, не слышит и не знает, потому что, по существующей ныне практике, она, как и некоторые другие молитвы, читается священником “тайно”, про себя, но изначально эта молитва читалась вслух. В практике некоторых поместных Православных Церквей, да и в некоторых храмах Русской Православной Церкви, эти молитвы читаются вслух, и тогда верующие имеют возможность слышать то, ради чего, собственно, и совершается Евхаристия, – то самое благодарение, которое по преемству передано нам святыми апостолами.

Божественная Литургия в том виде, в каком она дошла до нас, является неким образом, иконой всей человеческой жизни. Если мы воспринимаем Литургию как руководство к действию, и те слова, которые на Литургии читаются, поются и произносятся, – как образец, по которому мы должны строить жизнь, то со временем мы придем к тому, что вся наша жизнь станет Литургией, то есть все, что бы мы ни делали, будет посвящено Богу. И не только в момент Причастия, не только находясь в храме или стоя на молитве дома, но и в других обстоятельствах – на работе, в семье и даже на отдыхе, мы не будем отрываться от Бога, но будем жить в постоянном чувстве Его присутствия, посвящая Богу все, что мы делаем – и в плане

профессиональном, и в плане человеческого, и в плане духовном. Я думаю, что именно ради этого мы причащаемся, и именно в этом должна заключаться та цель, которую мы перед собой ставим – чтобы вся наша жизнь преобразилась по образу Христа, – Бога, ставшего Человеком, – и чтобы она стала одной непрерывающейся Литургией, одним непрерывным памятованием о Боге и благодарением Бога.

Вопросы и ответы

– Насколько я поняла, в XIX веке причащались всего лишь раз в год – в первую субботу Великого поста? Но почему именно в первую субботу?

– Потому что с понедельника по пятницу первой недели поста вся верующая Россия постилась и говела: следовательно, не надо было специально поститься перед Причастием. Но возникает вопрос: насколько эффективным является Причащение раз в год? Может ли оно изменить жизнь человека? Мне вспоминаются слова, сказанные по этому поводу отцом Александром Ельчаниновым: “Урок, получаемый раз в год, ничего не дает”. Впрочем, лучше получать урок хотя бы раз в год, чем не получать его вообще.

– Если человек не причащается, то имеет ли смысл оставаться на Литургию верных?

– И да, и нет. В древнехристианской практике в каждом храме была группа людей, которые готовились к вступлению в Церковь и не могли причащаться, потому что они еще не стали полноценными членами Церкви, так как еще не приняли таинства Крещения. Это были так называемые оглашенные. Но для них существовала специальная программа, они ходили на занятия, и сама Литургия оглашенных была ориентирована на обучение, на катехизацию. Сейчас же Литургия оглашенных фактически стала частью евхаристического богослужения, и границу между Литургией оглашенных и Литургией верных можно провести лишь условно. Я думаю, что сегодня людям, которые либо еще не приняли Крещение, либо находятся в разряде кающихся, либо просто не допущены к Причастию, все-таки полезно присутствовать на Литургии верных, хотя это, может быть, и противоречит раннехристианской практике. К сожалению, в современной Православной Церкви отсутствует постоянная программа научения людей через оглашение, а поэтому оглашением становится даже просто пребывание в церкви, вслушивание в молитвы, в проповедь (в большинстве наших храмов проповедь произносится в конце Литургии, а не после Евангелия, то есть именно на Литургии верных, а не на Литургии оглашенных).

– Если таинство Евхаристии – самое важное в жизни Церкви, то можно ли считать, что существует определенная дифференциация таинств, что остальные таинства лишь готовят человека к таинству Евхаристии?

– Я думаю, что да. Например, таинство Крещения, которое вместе с таинством Миропомазания составляет один богослужебный чин, является таинством вхождения в Церковь, но это вхождение не будет полным, если

человек не причащается Святых Христовых Таин. Следовательно в каком-то смысле таинство Крещения является путем к Евхаристии. То же можно сказать и об исповеди. В современной практике она напрямую связана с Евхаристией, в древней же практике такой связи не было. Но смысл исповеди в том, чтобы человек принес покаяние за свои грехи, очистился, а это очищение нужно, опять же, для участия в Евхаристии. Можно сказать, что Евхаристия есть вершина всей таинственной жизни христианина в Церкви. Не случайно Дионисий Ареопагит называл ее “таинством таинств”.

– Какая связь между Литургией и временем? Что такое “литургическое время”?

– Когда мы погружаемся в стихию Литургии, мы выходим из стихии времени, становимся неподвластны времени. Литургическое время течет совершенно по-иному, чем время обычное. Каждая Литургия длится, конечно, какое-то время, полтора-два часа, но это время несоизмеримо с другими полтора-двумя часами, которые мы проводим в ином месте. Это можно сравнить с ощущениями космонавтов в космосе. Мы считаем их время по нашему календарю, а у них оно течет по-другому. Приемство Евхаристии, которое идет от самой Тайной Вечери, – это наше вхождение в прошлое Церкви. Участвуя в Евхаристии, мы вбираем в себя весь тысячелетний опыт бытия Церкви – не только христианской, но и ветхозаветной, то есть практически опыт всего человечества. Это первое.

А второе – то, что наше участие в Евхаристии определяет нашу будущую посмертную судьбу. На Пасху мы поем в каноне, написанном преподобным Иоанном Дамаскиным: “Попадавай нам истее Тебе причащаться в невечернем дни Царствия Твоего”. “Истее” – значит полнее. И “невечерний день” указывает именно на отсутствие времени. В какой-то момент наша земная временная жизнь прекратится, и тогда мы перейдем в иное, вневременное бытие, где можем либо быть отлучены от Бога, если мы не причастны Ему, либо соединиться с Богом еще полнее, “истее”, чем мы соединяемся с Ним в Причастии. На земле мы соединяемся с Богом в Евхаристии под видом хлеба и вина, а тогда не будет уже хлеба и вина, но будет Сам Христос. И от того, причащаемся мы или нет, от того, становится ли Причастие для нас реальным опытом соединения со Христом, в конечном итоге и зависит то, что ждет нас в будущей жизни, какой будет степень нашей близости ко Христу или отдаленности от Него.

– Может ли Бог не допустить человека до Причастия, если человек совершает злые дела?

– Бог всегда знает обо всем злом, что мы можем совершить, совершили, совершаем, или совершим в будущем. Но это не может быть для нас оправданием. Да, Бог нас не всегда останавливает. В каких-то случаях Бог полагает конец злой активности человека, но в большинстве случаев Он терпит греховные поступки людей. Даже зная, что человек причастится “в суд и во осуждение”, Он все-таки не отлучает его от Причастия. Но иногда Бог дает человеку какой-то видимый знак, заставляющий его задуматься о своем духовном состоянии. Все вы помните случай с Марией Египетской, когда она хотела войти в храм, но какая-то сила отталкивала ее? Осознав,

что это был Божий знак, она потом все-таки вошла в храм и причастилась. В тот момент она была еще явно не готова к Причастию, но оно стало для нее неким залогом, данным ей для того, чтобы она изменила свою жизнь.

В этой поразительной истории, которую мы слышим во время Великого поста, интересно и другое. Мария Египетская, причастившись Святых Христовых Таин, ушла в пустыню и в течение многих лет не участвовала в Евхаристии, так как в пустыне не было ни храма, ни священника. Однако встретившись много лет спустя с Зосимой, она просила его ее причастить. Во время ее пребывания в пустыне у нее не было текстов Священного Писания, тем не менее она смогла их выучить наизусть. Оказавшись в совершенно особых условиях, она не могла причащаться таким образом, как причащаемся мы, но очевидно, это происходило как-то иначе. Известно, что многие отшельники, жившие в пустынях, годами не появлялись в храмах, жили без Евхаристии. Однако существует предание, что некоторых из них причащали ангелы. Как бы там ни было, это можно воспринять как указание на разнообразие путей, по которым люди идут к Богу, а также и на то, что некоторые святые уже в земной жизни причащались “истее”, полнее, чем другие люди.

– Можно ли до конца преодолеть в себе раздвоенность?

– Не только можно, но и нужно. Это задача, которая стоит перед каждым христианином. Именно ради этого мы и живем в Церкви – чтобы преодолеть в себе “ветхого человека” и возродиться к новой жизни. Церковь дает возможность человеку преодолеть раздвоенность и выйти на тот уровень, на котором человек обретает цельность, утраченную им вследствие грехопадения.